

Индоевропейская программа Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе поражает своей активностью. Ежегодно (в течение 20 лет) проводятся конференции по индоевропеистике, которые затем регулярно воплощаются в conference volumes; кроме этого, выходят и сборники работ сотрудников программы (в настоящее время опубликованы два выпуска<sup>1</sup>). В рецензируемом сборнике, как всегда, статьи авторитетных специалистов соседствуют с публикациями молодых докторантов.

В статье Ш. де Ламбертери «Сравнение и реконструкция» затрагивается старый, как сама компаративистика, вопрос о границах применения сравнительного метода и реальности реконструкции. Автор рассматривает в этой связи три проблемы, оказывающиеся взаимосвязанными: количественный аблаут в и.-е. *\*sauso-* 'сухой', развитие индоиранских аспиратов из сочетания непридыхательных согласных с ларингалами, и закон Винтера в балто-славянском. Корень, традиционно реконструированный как *\*sauso-/suso-* (ср. слав. *соуѣ*, но *съхнѣти*, лит. *saĩsas/sũsti*, лтш. *sàuss/sust*) может иметь вид *\*H<sub>2</sub>-sus-/* (> *\*ahu-* > греч. *αῦος*, гомер. *αῦος*). По мнению предложившего такую реконструкцию А. Лубоцкого [Lubotsky 1985], это доказывают следующие аргументы. 1) Наличие у Гомера прилагательного *αὐστειλέος* (Od. XIX 327) с анлаутом *αῦ*, архетип *\*ahv < \*Hsus-*. Дифтонг в начале прилагательного *αῦος* объясняется исчезновением хиатуса перед другим хиатусом. 2) Архетип *\*sauso-* должен был развиваться в прагреческом в *\*hahFo-*; в эолийском такой кластер закономерно отразился бы как *αῦος*, но в аттическом – не как *αῦος*. 0 ступень вокализма дает закономерные рефлексy. Автор полагает, что она (вместо обычной *o*) могла развиваться по аналогии с глаголом [возможно, отразившимся в *ἄφ'αυεῖ* 'мучает жаждой' – (Arist. Equit. 394)]. Ср. приведенные выше балтийские и славянские пары<sup>2</sup>.

При реконструкции индоиранских аспиратов возникает следующая проблема: аспирированные согласные, возникшие из сочетания смычных с ларингалом, соответствуют простым греческим (*\*p<sub>h</sub>lH-ú > prthú* = *πλάτῡς* 'широкий'), но перед согласными после такой группы развивается вокальный призвук

(*\*dhugH-tér > duhitár* = *θυγάτηρ* 'дочь'). После сонорных такой призвук вполне закономерен (*\*génH-tor > jánitar* = *γενέτωρ* 'родитель'), но его появление после смычного говорит о своего рода «двойном рефлексе» ларингала: в виде аспирации и призвука. Здесь предлагаются три стадии трансформации рассматриваемого сочетания: 1) вокализация ларингала (*\*stH<sup>o</sup>to-*); 2) падение его консонантной части в большинстве и.-е. языков после отделения анатолийской ветви (*\*státó-* > лат. *stātus*, греч. *στατός*); 3) сохранение одновременно вокальной и консонантной части ларингала в индоиранских языках (*shitah* как итог этого процесса).

Закон Винтера имеет ряд исключений; однако, по Ш. де Ламбертери, эти исключения объясняются привходящими факторами. Так, отсутствие действия этого закона в о.-слав. *\*vodā* можно объяснить тем, что в литовском этот корень назализован (*vanduō*). Другие исключения из закона Винтера объясняются развитием долготных альтернатив в праиндоевропейском (слав. *іасѣ* – *іедимѣ* = лат. *ēst* 'он ест' – *ēdo* 'я ем'<sup>3</sup>). По мнению автора, исключения из закона Винтера носят характер, аналогичный колебаниям *centum/satəm*. Отметим в этой связи работы Ф. Кортландта [Kortlandt 1978], который связывал действие закона Винтера с «глоттальной» теорией: переход глоттальных в звонкие сопровождался удлинением согласных. Но надо учесть, что закон Винтера признан не всеми лингвистами [Трубачев 1986]. Впрочем, проблема *centum/satəm* вызывала еще больше дискуссий.

<sup>2</sup> Некоторая спорность этого примера заключается в том, что в балто-славянских языках 0 ступень, как правило, наличествует у непереходных глаголов, как и в примерах де Ламбертери. Они образуют суффиксальные или инфиксальные презенсы и корневые претериты. В древнегреческом им соответствуют назальные презенсы с тематическими аористами с 0 ступенью корневого вокализма. Глагол же *ἄφ'αυεῖ* в приведенном контексте переходен. Впрочем, и в литовском, и в древнегреческом есть группа переходных глаголов с 0 ступенью корня: *βλάπτω* 'вредить' < *\*mlg-i<sup>e</sup>/o-*, *sũkti* 'вертеть' (= *съкати*).

<sup>3</sup> Пример не очень удачен, так как латинское удлинение возникло по закону Лахманна. Впрочем, имеются работы, связывающие долготу *e* в этом корне с его морфологией [Kümmel 1998].

<sup>1</sup> Отклик на труды Х Лос-Анджелесской конференции (1999) и первый выпуск «Indo-European studies» см. в [Красухин 2002].

М. Фрэзер («Ударение атематических имен в ведическом санскрите и его развитие из праиндоевропейского») рассматривает ведический именной акцент в терминах «теории оптимальности», вводя следующие категории: Мах (сохранение основного корневого акцента), –Op-Dep (отсутствие основного акцента), Align (фиксация акцента на определенной морфеме; здесь различаются пре-, пост- и акцентные морфемы). Говоря о передвижении акцента, автор отмечает, что в окситонированных формах («слабых» падежах и числах) детерминирована флексия, так как именно она придает дополнительное значение словоформе. Это бесспорно, и отмечалось достаточно давно [Erhart 1975]; отрадно, что лингвист, стоящий на «эрлангенских» позициях, отмечает это: большинство представителей этой школы игнорируют морфосемантическое значение акцента. Однако в настоящее время можно дать более точное определение этой детерминированности. В генитиве и дative она выражает подчиненность, семантическую производность, принадлежность. Формы же множественного числа отличаются от единственного производностью морфологической, т.е. здесь флексия имеет, если можно так выразиться, сугубо детерминирующий характер<sup>4</sup>. Применение «теории оптимальности» приводит автора к мысли о том, что существуют имена с лексическим акцентом, который приводит к иммобилизации ударения. Под лексическим акцентом автор подразумевает (со ссылкой на [Alderete 1999]) неподвижное корневое ударение или, в иной терминологии, доминантный корневой акцент. У имен, лишенных лексического ударения, акцент мобилен и передвигается, в частности, на «детерминирующую» флексию. К аналогичным выводам пришел Г. Кейдана [Keydana 2005], чья работа автором не упоминается. Г. Кейдана опирается на данные типологии. На уровне морфем аналогичную теорию построил В. Хок [Hock 1993–1994]. С его точки зрения, морфемы делятся на акцентные, пре- и постакцентные. Их комбинация и обуслов-

<sup>4</sup> См. [Красухин 2005] об аблауте и акценте в именном склонении. Окончания мн. ч. в индоевропейских языках моложе, чем ед. ч. [Тронский 1946]; их сформировало передвижение акцента в ту эпоху, когда оно играло только детерминирующую роль. Передвижение же акцента в единственном числе создает грамматические оппозиции, объединяемые в единую категорию аблаутно-акцентной парадигмы (ААП).

ливает место ударения<sup>5</sup>. Рецензент, однако, полагает, что изначально все атематические имена имели подвижный акцент. Иммобилизация произошла в тематических именах и близких им по морфологии именах на *ā-* (\**eH-*), *-ī-* (\**iH-*). Затем в этот процесс втянулись основы на *-i-*, *-u-* и плавные. Затем неподвижный акцент приобрели многосложные имена, причем этот процесс в греческом более последователен, чем в древнеиндийском. Таким образом, многие выводы М. Фрейзера выглядят убедительно, но не вполне понятно, что же нового вносит теория оптимальности в рассматриваемую проблему. В качестве примера адекватного применения теории можно указать на статью Р. Люр [Lühr 2002], где с помощью теории оптимальности рассмотрены правила ударения в древнеиндийских композитах и сделана попытка объяснить исключения из них.

Р. Ким рассматривает классы тохарских глаголов, образованных суффиксом \**-io-*. Так, XII класс с суффиксом *-ññ-* – это деноминативы (3 pl. med. *lareññentär* ‘они любят’ – *lāre* ‘дорогой’). Этот класс давно сравнивался с греческими глаголами типа ὄνομα ‘имя’ – ὀνομαίνω ‘называть’. Автор отмечает при этом и некоторые неотыменные глаголы: тох. В / *mānteññ-<sup>3</sup>/j* ‘разрушать’ и некоторые другие. Такие глаголы Р. Ким считает назальными презенсами от корней *set*, подобными др.-инд. *gr̥bhāyāti* ‘хватать’ (йотовый производный от *gr̥bhnāti*: \**gr̥bhnéH-/gr̥bhnH-ié-*); и упомянутый тохарский глагол находит параллель в др.-инд. *mathāyāti* ‘отрывать’ (презенс IX класса *mathnāti*)<sup>6</sup>. Автор также рассматривает и другие презенсы на \**-io-*: тох. В. /*šeräy-<sup>3</sup>/-j* ‘охотиться’ (< \**keruvo-yé-* < \**keruvo-* ‘олень’<sup>7</sup>). Этот глагол сопоставим с др.-инд. *devayāti* ‘поклоняться богу’ (*deváh*), греч. φιλέω ‘любить’ (φίλος). В тохарском он отразился в форме субъюнктивов IV. Основа с

<sup>5</sup> В. Хок по сути экстраполирует на праиндоевропейский уровень славянскую модель, представленную в трудах В.А. Дыбо.

<sup>6</sup> Согласно А. Ван Виндекенсу [Van Windekens 1976: 216], тохарский глагол происходит от имени \**mānkt* ‘perte, privation, subjugation’, воспроизводящего и.-е. \**monk-t*. Вообще, все глаголы, упоминаемые у Р. Кима, определены у Ван Виндекенса как отыменные, у которых в некоторых случаях имя не засвидетельствовано.

<sup>7</sup> Это принципиально новая этимология; у Ван Виндекенса [Van Windekens 1976: 456] приводятся гадательные сближения с и.-е. \**gher-* ‘хватать’, гот. *qairu* ‘pieu’ и т.д.

суффиксом *\*éie-* ярче всего отразилась в тох. А *mely-*, В *malyw-* 'молоть', сопоставимом с гот. *ga-malwjan*. Статья Р. Кима – первая в литературе попытка рассмотреть все рефлексy глагольного суффикса *\*i<sup>e</sup>/o-* в тохарском. Отметим, что некоторые рассмотренные Р. Кимом глаголы демонстрируют унаследованную 0 ступень вокализма: инфинитив *wsitsi* 'длиться, покоиться' наряду с презенсом IX класса *wsassām* и вариантами корня *wās-* отражает и.-е. *\*us-* (*\*uas-* 'быть, жить, протекать', ср. гот. *wisan*) [Van Windekens 1976: 456]. И 0 ступень находит параллель в др.-инд. пассиве *usyáte* (*vásati* 'жить'). В тохарском глаголе мы видим следы той же ступени при суффиксе *\*-i<sup>e</sup>/o-*<sup>8</sup>.

Х.Х. Хок рассматривает апокопу *\*i#* в славянских языках. Как следствие этого процесса рассматриваются: окончание тв. п. ед. ч. основ на *ā-*: *-olъ* (в основах на *i*, *-u*: *-ьмь*, *-ьмь* нет апокопы), 3 л. глагола *тъ/-0*, также в окончании 1 л. тематических глаголов *-ж* (отсутствует в атематических: *ієсмь*, *имамь*). Окончание *тъ*, по мнению автора, отражает и.-е. «первичное» *\*-ti#* с анаптиксой *\*-ъ*. В глаголе процесс апокопы *\*-i* более последователен, чем в имени. Автор это связывает с фразовым ударением: глагол чаще оказывался в абсолютном конце предложения, следовательно, его последний слог был устойчиво безударным<sup>9</sup>. Х.Х. Хок сравнивает этот процесс с редукцией конечных гласных в итало-кельтских языках: *\*vrtéti* > лат. *vertit*, слав. *врѣтумь*; *\*bhéreti* > др.-ирл. *berid* (абсолютное спряжение, глагол в начале предложения) / *'beir* (связное спряжение, глагол в безударной позиции), слав. *береть* (неапокопированный глагол) / *бере* (апокопированный) / *береть* (апокопа + новое расширение). Иными словами, автор реконструирует и для праславянского глагола ударение типа древнелатинского или древнеирландского: силовое и неконечноударное. Наличие и роль фразового ударения в древнеславянском подтверждается независимыми исследованиями ([Зализняк 2008]; о законе Вакернагеля; ср. [Николаева 2008]). Такое

ударение могло по времени предшествовать чисто тоновому, традиционно восстанавливаемому для праславянского. Отметим, что в латыни синкопа конечного *\*i* действительно связана с безударностью, тогда как изначально ударный гласный изменялся, но не отпадал: *et* = греч. *ἔτι*, др.-инд. *áti*, но *ante* = греч. *ἄντι* [Vine 2006]. В фонетическом объяснении оппозиции *тъ/-тъ* Хок во многом следует Мейе [Мейе 1951: 261], предполагавшим позиционную утрату мягкости. Но колебания *тъ/-тъ/-0* в славянских языках находят и иное объяснение, широко обсуждающееся в русскоязычной литературе (не использованной Х.Х. Хоком). Ф.Ф. Фортунатов [Фортунатов 1908] высказал предположение, что окончание *тъ* происходит из постпозитивного местоимения: *дѣлаіемъ* ~ *dirba-tas*. Развивая идеи Фортунатова, С.П. Обнорский [Обнорский 1953] показал, что глаголы с 0 окончанием в северо-западных говорах, как правило, ослаблены функционально (новый материал см. в [Рыко 2000]; критику теории Мейе и поддержку Фортунатова см. в [Кузнецов 1961: 101–102]). Окончание *тъ* (происходящее из и.-е. «первичного») встречается не только в презенсах, но и аористах: *бе*, как правило выполняет роль связки, *бысть* – глагола существования. Все это говорит о том, что окончания *тъ/-тъ*, будучи изофункциональными, противопоставлялись нулевому как эмфатические неэмфатическому. Окончание *тъ/-тъ* встречается и в аористах: аорист *бе* обозначал существование или служил связкой, тогда как *бысть* передавал греч. *ἐγένετο*, т. е. выражал момент становления. Отметим также идею А. Вайяна [Vaillant 1966: 31] о возможном исконно 0 окончании в тематических глаголах: слав. *несе* = лит. *neša*; это говорит в пользу прономинального происхождения *тъ*.

М. Беквис рассматривает надпись из Торторы (Южная Италия), написанную на пиценском языке. Форма перфекта *opsúd* (3 sg.), обнаруженная в ней, корреспондирует с латинским *operari*, оскским *úpsed/upsed* 'он сделал' 3 Sg (3 pl. *uupsens*). В других надписях встречаются перфекты от корня *\*steH-* (*\*stā-*): *adstaeoms* (1 pl.), *adstaiúh* (3 pl.) и некоторые другие. Автор рассматривает в этой связи систему образования итальянских перфектов. В частности, сложен вопрос о долготе / краткости гласного в оскском претерите: вышеприведенные колебания в написании первого гласного могут отражать *\*ō/ō̄*. По мнению М. Беквиса, этот вопрос не имеет однозначного решения. Попутно отмечается, что такой вариант корня встречается только в итальянском. Здесь, однако, необходим комментарий. Глагол с корнем *\*er-* 'брать; действовать' за-

<sup>8</sup> Выступление И. Сержанта на XII Международной конференции Индогерманского общества (Зальцбург, 22.IX.2008) было посвящено сопоставлению именно тохарских конъюнктивов и презенсов IV класса с древнеиндийскими глаголами на *ya-*.

<sup>9</sup> Отметим в этой связи, что самая безударная позиция глагола – сразу после подлежащего, куда он перемещается в утвердительных предложениях. Это подробно рассмотрено в [Wackernagel 1892: 93–103].

свидетельствован в хеттском *epzi*, также в греч. ἐπί, др.-инд. *apí* 'при' (локатив корневого имени), также *ōpi* 'позади' (то же со ступенью *o*). Др.-инд. *āpas* 'дело' / *apās* 'деятельный' также сравниваются с лат. *opus*, от которого произведено *operari*. Перед нами корень, который трудно реконструировать как *\*H<sub>3</sub>ep-* (> *\*op-*). Хеттский глагол иногда сравнивается с лат. *apiscor* 'воспринимать', где *a-* может быть рефлексом слогового ларингала. С другой стороны, Беквис сочувственно цитирует мнение Г. Рикса, высказанное в [LIV 2001: 265] о наличии в итальянских языках двух основ рассматриваемого корня: отыменного презенса *\*opesa-* (помимо *operari* от него образован оскский герундив *upsannam* 'орегандам') и аориста *\*op-s-*, однако отмечает, что и Рикс не дал удовлетворительного объяснения долготе первого слога. Можно предположить, что это контаминированная форма с перфектной долготой (< редупликацией) и аористным суффиксом. Что же касается претеритов от корня *\*steH-*, то они репрезентируют основу /*staē*/, как и оск. *staief* 'они стояли'. Автор полагает, что этот корень в различных итальянских языках образовал самые разнообразные типы презенса и претерита, в которых отразились контаминации различных глагольных классов. С ними он и сравнивает рефлекс корня *\*op-*. На базе *\*opesa-/opso-* под влиянием *\*staio-/staeo-* мог сформироваться вариант *\*op-sao-/opso-*, отраженный в оскском и пиценском.

М. Кюммель посвятил свою статью 3 л. мн. ч. перфекта в архаической латыни. Автор исходит из сохранения здесь следов как аориста (в формах типа *feked*), так и перфекта (*fuveit*), о чем говорил еще Я. Сафаревич [Safarewicz 1967]. При этом *t* в форме перфекта вторично. Конечное *\*-t* в итальянских языках ослабевало: это проявлялось сначала в озвончении, затем в отпадении. Флексии *rol-ront* зафиксированы в архаической латыни (к статье предложен подробный список соответствующих форм). По мнению автора, невозможно утверждать позднее отпадение *-t#*; оно происходило в дописьменный период латинского языка. Ослабленное *-t*, как отмечает и М. Блеквис, превращаясь в *\*-d*, затем отпадало после краткого гласного и *n-*. Но возникает вопрос о причастном суффиксе *\*-nt-*. У причастий среднего рода с 0 флексией он превращается в *\*-ns*, что вызывает в памяти окончание 3 л. мн. ч. оскского претерита *-ns* (< *\*-nt#*). Вопрос о кластере *\*-nt#* в итальянских языках требует дальнейшего изучения.

В работе Б.А. Олсен речь идет о трех фонетических процессах в латинском языке. И.-е. *\*#ul-* по-разному отражается в латыни: *vol-* и *lu-*; это демонстрируют *lupus* (< *\*ul<sup>u</sup>kos*)

и *volup-tas* (< *\*ulp-t*). По мнению автора, оба имени этимологически связаны, и в качестве *tertium comparationis* выступает лат. *lupa* в значении «проститутка» (автор сравнивает это с англ. *bitch*, ново-греч. σκύλα, дословно «сука»). Кластер *\*ul-* > *lu-* представлен также в *luscus* 'кривой' (по этимологии автора *\*ulid-skuo-s* 'лице-затемненный': гот. *wlits* 'лицо' + *\*sku-* в лат. *ob-scu-rus* 'темный, сумрачный'). Переход *\*ul-* > *lu-* просматривается и в греческом: λύκος 'волк', λυγίζω 'вертеть'. С точки зрения Б.А. Олсен, он возможен в некоторых индоевропейских языках в первом слоге. Замечу, что предложенные этимологии можно оспорить. Так, *volup-* естественно сравнить с др.-инд. *vrñāti* 'выбирать', а *luscus* (*\*ul-sko-*) – с *vulnus* 'рана', греч. ὄλλυμι 'губить'. Это, однако, не отрицает предложенного фонетического изменения.

Другая фонетическая закономерность прослеживается на именах *amārus* 'горький', *avārus* 'жадный'. Сравнение с др.-инд. *amla-* 'кислый', греч. ὠμός 'сырой' наводит на мысль о корне *\*H<sub>1</sub>rH<sub>3</sub>-*. Такой комплекс фонем должен был дать либо *\*amros* (полная ступень вокализма корня), либо *\*māros* (полная ступень суффикса). Засвидетельствованные же формы суть контаминации, причем *avarus* могло сформироваться под влиянием глагола *avēre*. Третий процесс – эпентеза *-p-* между носовым и плавным: *\*ex-em-lom* > *exemplum*. По мнению автора, эта закономерность проясняет этимологию лат. *templum* 'храм' < *\*-tlom* (*\*temə* 'резать', ср. греч. τέμενος 'участок при храме', образованное от того же корня; этимологически – 'отрезанное'). И здесь можно предложить иную этимологию, сравнив данную лексему с лит. *tempti* 'тянуть', *tiñklas* 'сеть'. Последнее, несмотря на разницу в значениях, может реализовать ту же цепочку морфем: *\*tmp-tlóm*<sup>10</sup>. Попутно замечу, что *\*temp-* 'тянуть', возможно, присутствует в имени *tempus* 'время'.

К. Мельцерт («Новый взгляд на хеттский стих и метр?») рассматривает хеттские песни KUB 30. 36; 30 33 (так называемый «Ритуал из Ирии»). Заменяя шумеро- и аккадограммы на (нередко реконструируемые) хеттские чтения, автор восстанавливает текст песни, сравнивая ее со знаменитой «Песней Несы о саване».

<sup>10</sup> Утеря среднего рода произошла в дописьменном литовском (см., к примеру [Scholz 1983]). Имя *tiñklas* спрягается по второй и четвертой а. п., отражая тем самым переход из окситонного прилагательного или имени деятеля в баритонное существительное – имя результата.

Казухико Йосида («Некоторые нерегулярные медиопассивы в хеттском») рассматривает окончание 3 л. медиопассива *-aittari*, выглядящее как отступление от нормы (дифтонг *-ai* перед собственно флексией). По мнению автора, это – позднее явление, зафиксированное только у следующих глаголов: *lagāittari* (гапакс, *lagāri* ‘лежать’), *ishuaittat* (3 sg. претерита, *ishuuai-* ‘разбрасывать’), *siiēttari* (*sai/siia-* ‘разбрасывать’). Автор связывает этот дифтонг с тем, что все эти глаголы изначально относились к спряжению на *-hi*; ударение в *hi*-медиопассиве стоит на тематическом гласном (*lagāri*, *ishuuāri*, *siiāri*); аномально окончание и у *lahuttari/lahuuattari* ‘литься’. Все эти явления связаны с судьбой ударных гласных в ново-хеттский период. Прибавим к этому, что в данном случае мы имеем дело с не очень продуктивной тенденцией: из 18 глаголов на *-hi* с ударным тематическим гласным (см. [Neu 1968]) подобная аномальная флексия образовалась только у трех.

А. Меркадо исследует метр и ритм заглавной лидийской надписи. Автор полагает, что текст написан силлабическим размером. Реконструкция его выглядит так: 7-, 9-, 10-, 11-сложники с цезурой и 1–2 ударениями в первом полустихе, 2–4 – во втором. Такая схема заставляет предположить, что перед нами скорее ритмизированная проза, чем стих.

И.Э. Расмуссен рассматривает возможные рефлексы *H<sub>1</sub>* в иероглифическом лувийском. Объектом полемики является статья А. Клухорста [Kloekhorst 2004], в которой доказывается, что *\*H<sub>1</sub>* отразилось в данном языке как *a*. По мнению же Расмуссена, этот вывод основан на определенных пресуппозициях о развитии ларингалов в гортанную смычку и вокализации ее в *a*. Датский исследователь полагает, что *\*H<sub>1</sub>* являлся наиболее слабо произносимым ларингалом, поэтому превращение его в смычный едва ли возможно. Иероглиф 19 (по Ларошу), или 17 (по Мериджи) он, в отличие от Клухорста, читает как *e*. Попутно отмечу, что реконструкция притяжательного местоимения 1 л. с анлаутом *\*Hm-*, упоминаемая в статье, лишена основания. Такие формы, как греч. ἔμός, арм. *im* ‘мой’ суть ареальные инновации – аналогическое развитие под влиянием диалектного *\*egō* (> греч. ἐγώ, арм. *es*). Расмуссен с полным основанием (с. 163) утверждает вторичность начального *a-* и в анатолийских языках.

М. Бочварова («Накопление суффиксов и генитивные прилагательные в хурритском, тирренском и анатолийских языках») обращается к общим ареально-типологическим чертам названных языков. По ее мнению, тиррено-этрусские языки, до того, как их носители

переселились в Европу, составили языковой союз с языками Анатолии. Приметами этого союза являются: силовое ударение и оппозиция напряженных/ненапряженных согласных, набор гласных<sup>11</sup>; скудость системы времен, притяжательные прилагательные, агглютинация, «накопление суффиксов» (т. наз. *Suffixaufnahme*), порядок слов SOV. «Накопление суффиксов» заключается в том, что посессивные имена согласуются с определениями, и при склонении последних получают те же падежные окончания. Автор полагает, что именно под влиянием этрусского анатолийские языки (за исключением хеттского) развили богатую систему притяжательных прилагательных. Некоторые генитивно-адъективные суффиксы анатолийских языков и формально совпадают с этрусской формой так называемого генитива I: этр. *-l* – лид. *-l*, лик. *-λ* (по мнению автора, палатализованное *\*-l*), хетт. местоименное *-el*. Автор, однако, с полным основанием отмечает, что притяжательные прилагательные развились благодаря дефекту тематической парадигмы. Дело в том, что номинатив *\*-os* формально совпадал с окончанием атематического генитива; поэтому в различных индоевропейских языках появлялись различные формы тематического генитива: *\*-osio* (греко-арийский, итальянский ареалы), *\*-oso* (греческий, германо-балтийский). М. Бочварова подробно рассматривает различные типы генитивов в анатолийских языках. Очевидно, что ареальное воздействие в данном случае усилило те черты, которые зарождались на праиндоевропейской почве. Об этом свидетельствует развитие посессивов в латыни и особенно в церковнославянском (см. [Трубецкой 1987]).

Джоанна Николс рассматривает типологию праиндоевропейского в географическом ракурсе, уточняя какие именно черты и в каком регионе более распространены. Автор учитывает наличие 21 различных признаков в 39 языках разных семей Севера и Юга Евразии. Согласно проведенному исследованию, праиндоевропейский обладал типичными чертами северного евразийского языка: номинативной конструкцией, отсутствием множественного согласования (именно этому была посвящена статья М. Бочваровой), отсутстви-

<sup>11</sup> Автор имеет в виду отсутствие *o*; но для анатолийских языков, пользующихся вариантом аккадского письма это трудно доказать при отсутствии соответствующей графемы. Что же касается силового ударения, то оно явно унаследовано анатолийскими языками от общеиндоевропейского состояния.

ем проклитик и развитой системой энклитик, отсутствием дативного субъекта<sup>12</sup>, маркировкой причастия, а не топики и т. д. (18 северных черт, 3 южных). В отдельных индоевропейских языках и группах могут под влиянием развиваться и чуждые праязыку типологические черты (например, эргативообразные конструкции в хеттском, новых индийских и иранских языках), но важно помнить, что это именно инновации. Это должно учитываться при определении индоевропейской прародины и реконструкции путей миграции индоевропейских племен.

В целом сборник, как и предшествующие, производит очень хорошее впечатление. Он свидетельствует о том, что индоевропеистика и в США, и в Европе находится на подъеме.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 2008 – А.А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Красухин 2002 – К.Г. Красухин. Новая американская литература по индоевропеистике // Вопросы филологии. 2002. № 2.
- Красухин 2005 – К.Г. Красухин. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М., 2005.
- Кузнецов 1961 – П.С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- Мейе 1951 – А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.
- Николаева 2008 – Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика (История блуждающих частиц). М., 2008.
- Обнорский 1953 – С.П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М.; Л., 1953.
- Рыко 2000 – А.И. Рыко. Семантическое распределение 3-го л. презенса // Балто-славянские исследования 1998–1999. Вып. XVI. М., 2000.
- Тронский 1946 – И.М. Тронский. Семантика единственного и множественного числа в древнегреческом и латыни // Вестник ЛГУ. 1946. Т. 16.
- Трубачев 1986 – О.Н. Трубачев. Примечания // М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. 2 изд., стереотипное. Т. 2. М., 1986.
- Трубецкой 1987 – Н.С. Трубецкой. О притяжательных прилагательных в церковнославян-

ском // Н.С. Трубецкой. Избранные труды. М., 1987.

- Фортунатов 1908 – Ф.Ф. Фортунатов. Старославянское -тъ в 3 лице глаголов // Изв. ИОРЯС. Т. IV. 1908.
- Alderete 1999 – J. Alderete. Morphologically governed accent in optimality theory: Doctoral dissertation. University of Massachusetts. 1999.
- Erhart 1975 – A. Erhart. Der indoeuropäische Akzent und seine Funktionen // SPFFUB. 1975.
- Hock 1993–1994 – W. Hock. Der indogermanische Flexionsakzent und die morphologische Akzentkonzeption // MSS. 1993–1994. Hft. 54.
- Keydana 2005 – G. Keydana. Indogermanische Akzenttypen und die Grenzen der Rekonstruktion // Historische Sprachforschung. Bd. 118. 2005.
- Kloekhorst 2004 – A. Kloekhorst. Position of \*h<sub>1</sub> in hieroglyphic Luvian: Two separate a-signs // Historische Sprachforschung. Bd. 117. 2004.
- Kortlandt 1978 – F. Kortlandt. Proto-Indo-European obstruents // IF. Bd. 83. 1978.
- Kümmel 1998 – M. Kümmel. Würzelprasens neben Würzelaorist im Indogermanischen // Historische Sprachforschung. Bd. 111. 1998.
- Kurzova 1999 – H. Kurzowa. Syntax in Indo-European morphosyntactic type // Language change and typological variation: In honor of W.P. Lehmann on the occasion of his 83-rd birthday. V. II: Grammatical universals and typology. Washington, 1999.
- LIV 2001 – Lexicon der indogermanischen Verben / Hrsg. von H. Rix. Aufl. 2. Wiesbaden, 2001.
- Lubotsky 1985 – A. Lubotsky. The PIE word for 'dry' // Zeitschrift für vergleichenden Sprachforschung. Bd. 98. 1985.
- Lühr 2002 – R. Lühr. Contrastive word stress in Vedic endo- and exocentric compounds // MSS. Bd. 39. 2002.
- Neu 1968 – E. Neu. Interpretation der hethitischen mediopassiven Verbalformen. Wiesbaden, 1968.
- Safarewicz 1967 – J. Safarewicz. Sur les desinences verbales en grec et en latin // J. Safarewicz. Studia jazykoznaue. Warszawa, 1967.
- Scholz 1983 – F. Scholz. Der Verlust des Neutrums im Baltischen und seine Folge // Baltistica. V. XX (2). 1983.
- Vaillant 1966 – A. Vaillant. Grammaire comparee des langues slaves. Paris, 1966.
- Van Windekens 1976 – A. Van Windekens. Le tocharien confronté avec les autres langues indoeuropéennes. V. I: La phonétique et le vocabulaire. Leuven, 1976.
- Vine 2006 – B. Vine. On Thurneysen-Havet's law in Latin and Italic // Historische Sprachforschung. Bd. 119. 2006.
- Wackernagel 1892 – J. Wackernagel. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // IF. Bd. I. 1892.

<sup>12</sup> Субъект в дативе появляется во многих индоевропейских языках: лат. *mihi videtur* = лит. *mán rōdosi* = греч. *δοκεῖ μοι* = русск. *мне кажется*. Но это, по-видимому, черта, развившаяся параллельно в отдельных ветвях и.-е. семьи как развитие универсальных свойств безличного глагола. Она может рассматриваться как отступление от типа SAE (standard average European) [Kurzova 2000].